

Дмитрий Дубровский

Lauri Mälksoo. Russian Approaches to International Law. Oxford: Oxford University Press, 2015. 240 pp. ISBN 9-780-1987-2304-2.

Дмитрий Дубровский. Адрес для переписки: Harriman Institute at Columbia University, 420 W 118th St, New York, NY 10027, USA. dmitry.dubrovsky@gmail.com.

Современное международное право – сложная материя для анализа: с одной стороны оно, безусловно, является частью международной политики с присущими ей конфликтами и противоречиями, с другой – единой системой международных правовых обязательств, которые, по идее, и должны регулировать эти самые конфликты и противоречия. Очевидно, что наиболее дискуссионным является вопрос о том, каким образом национальные границы и предполагаемые особые «национальные интересы» сочетаются с универсальными принципами международного права – в частности, с правами человека. В наиболее общем виде это представлено в споре «монистов» с «дуалистами», то есть тех, кто полагает, что существует единое поле права, и национальная система является лишь частью мировой системы (монизм), и тех, кто полагает, что существует две непересекающиеся правовые системы национального и международного права соответственно (дуализм). В чистом виде такого спора давно нет. С точки зрения крайнего монизма национальные правовые системы в их разнообразии просто не могли бы существовать. В то же время наличие постоянных конфликтов в области международного права делает позицию крайнего дуализма с его представлением о границах между национальным и международным правом крайне уязвимой.

В целом чаще всего спор исследователей и практиков идет вокруг состояния режима международного права и вклада различных стран в его поддержание и развитие (Bowring 2008). Дискуссия по этому поводу особенно обострилась после распада Советского Союза и реформатирования в связи с этим международного правового поля. С одной стороны, Россия постоянно подчеркивала свою приверженность основополагающим принципам международного права. С другой – после аннексии Крыма вопрос о том, что именно имеют в виду разные страны, обращаясь к его принципам, утратил чисто теоретический характер. Российские юристы выступили с рядом работ, в которых утверждали, что Россия не нарушала международного права. Они продемонстрировали, что понимают принципы и правовые нормы иначе, чем остальная часть международного сообщества.

Таким образом, теоретически важный и практически значимый вопрос о том, что именно вкладывается в понятие международного права различными школами внутри России после распада СССР, что именно предъясняется международному сообществу в качестве ссылки на международное право и его ценность – это вопрос, до последнего времени оставшийся без ответа, поскольку последнее обширное российское исследование истории международного права в России было опубликовано еще в СССР в 1958 году Владимиром Грабарем (Грабарь 1958).

Исследование профессора Тартусского университета Лаури Мялксоу призвано отчасти ответить на этот вопрос. Автор анализирует представления, характерные для российской школы международного права, и их столкновения в первую очередь с англо-саксонской традицией в его трактовке. В своих предыдущих работах исследователь уже касался этой темы, поэтому в новой книге он не ставил целью подробно описывать противоречия внутри российских школ права. (Mälksoo 2014).

Монография состоит из пяти частей; в первой части даны общие замечания и сформулированы исследовательские задачи, а последняя представляет собой заключение и суммирование полученных результатов. Основными источниками по истории изучения международного права в России выступают монографии российских авторов, посвященные главным положениям теории и истории международного права.

Уже в предисловии автор показывает себя как последователь конструктивистского подхода Карло Фокарелли и формулирует следующий исследовательский вопрос: каким образом российская академия и власть участвуют в создании (или разрушении) общего пространства международного права, которое, согласно этому подходу, существует не «объективно», как привыкли считать советские и большинство российских правоведов, а как результат отражения в праве многообразия интересов акторов, его создающих? Автор признает: в каждой стране безусловное понимание и восприятие международного права опосредовано национальной традицией (например, знаменитая американская «исключительность»). В то же время, он призывает обращать внимание на то, насколько практика восприятия норм международного права через призму национальной традиции сопоставима с общими ценностями и принципами международного права как такового. «Российское отношение к международному праву, – суммирует автор во введении, – *отражает доминирующее представление о публичном праве и в более широкой перспективе – отношение между властью и правом*» (с. 3, курсив добавлен).

Такой подход позволяет автору описать дискуссию, которая ведется на протяжении более чем ста лет в российском праве между условными «западниками» и «славянофилами», не принимая очевидно ни одну сторону в этом споре, и в целом прийти к выводу об основных положениях современной российской школы международного права и причинах, по которым восприятие международного права, доминирующее в России, не тождественно общепринятому в мире.

Хронологически автор делит свое исследование на три основные части: имперское право и появление первых ученых-правоведов в России, советский и постсоветский периоды. Практически везде автор находит спор «западников» и «славянофилов» (которых называет нативистами и «почвенниками») и обсуждает ключевые положения в их дискуссии.

Вторая глава, посвященная истории изучения международного права в России, начинается с анализа работ Федора Федоровича Мартенса, профессора Санкт-Петербургского Императорского университета. Мартенс был «западником», считавшим, что в области международного права Россия являлась «ученицей» Западной Европы. В то же время Мартенс напрямую увязывал национальное право и между-

народное, утверждая, что в стране, в которой граждане не имеют прав, международное право не может развиваться. Собственно, по этой причине международное право Мартенс связывал с понятием цивилизации. Ученик Мартенса барон Александр Александрович Таубе во многом продолжал его идеи; обращаясь к истории, он писал об исключении России из области европейского (то есть в его понимании – международного) права вследствие татаро-монгольского ига. В результате, по мнению Таубе, в России сложились особые, нецивилизованное отношения между государством и народом, российское население апатично, отделено от государства – отсюда правовой нигилизм, игнорирование общих прав и обязанностей, слабо развитое частное право.

Советская школа права во многом была ответом на эту критику, и следовала антизападной, нативистской традиции. Так, Федор Иванович Кожевников в конце 1940-х годов писал о мессианской роли России, указывая на прогрессивный характер царизма в установлении баланса сил в Европе и освобождении славянских народов от Османского ига. Напротив, уже упомянутая история международного права Владимира Эммануиловича Грабаря по сути продолжала традицию Мартенса и Таубе, показывая, как происходило становление международного права в Российской империи через заимствование и перевод основных работ зарубежных авторов. Несмотря на это, советская школа права постоянно критиковала своих российских предшественников, что, по-видимому, указывает на высокий идеологический контроль международного права как составной части советского идеологического проекта.

В области международного права Советский Союз фактически выступал за региональный подход, учитывавший политические и социальные особенности различных государств. При этом особенностями советского подхода было отрицание возможности правосубъектности индивида в международном праве, примат суверенитета над требованиями международного права и, в связи с этим, скептическое отношение к универсальным наднациональным механизмам защиты прав человека, отрицание гуманитарной интервенции, а также прав человека как основания для «вмешательства» в суверенные дела социалистических государств. По сути речь идет о том, что Советский Союз выступал как защитник идеи суверенитета в самой консервативной ее форме.

В завершение главы автор суммирует: изыскания в области международного права постоянно связаны в России со спором, является ли Россия частью Европы или, напротив, противопоставляется ей как особая цивилизация со своими особыми ценностями. В то же время и адресация к Европе имеет двойной смысл – о какой именно Европе идет речь? О «Европе Бисмарка» или «Европе Французской революции»?

Третья глава посвящена современному состоянию и дебатам в российской школе международного права. Автор обращает внимание прежде всего на высокую идеологическую нагруженность международного права в современной России, постоянный акцент современных российских авторов на «увеличении идеологического компонента международного права». Вместе с тем Мьяксуо подчеркивает доминирование этатистского подхода к международному праву,

где «либеральные» правоведаы, которые исходят из возможности рассматривать индивидуума, например, как субъекта международного права, оказываются не только в меньшинстве, но и, как правило, за пределами наиболее влиятельных юридических вузов (прежде всего, МГИМО, Дипломатической академии и некоторых других). Особый статус, конечно, имеет вопрос о признании примата международного права над российским. Во многом этому способствует официально выраженная позиция председателя Конституционного суда РФ Валерия Зорькина, который резко высказывался о «пределах уступчивости» Российской Федерации в отношении решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Аргументируя свою позицию, он апеллирует к работам российских и советских правоведов (Игорь Лукашук, Олег Хлестов, Александр Мезяев, Владимир Шумилов, Ирина Гетьман-Павлова, Сергей Бахин, Григорий Тункин, Станислав Черниченко, Елена Сафронова, Владимир Котляр).

Автор обращает внимание, что постоянные lamentации по поводу «правового нигилизма» российского населения и неудовлетворительной в целом ситуации с правом внутри России, имея в виду явную взаимосвязь между национальным и международным правом, плохо сочетаются с претензиями России к тому, чтобы быть одним из столпов международного права. Авторы перечисленных монографий принадлежат к консервативно-этатистскому направлению в международном праве. Этатизм практически напрямую увязывает государственные интересы и международное право, делая его таким образом формой выражения и защиты «национальных интересов». Хотя традиционная концепция суверенитета в международном праве в настоящее время претерпевает существенные изменения, российская школа настаивает на ее классической формулировке. Именно поэтому, например, категорически отвергается идея правосубъектности индивидуума.

Особой частью исследования Мьялксуо является рассмотрение частных вопросов международного права с точки зрения российских правоведов, таких как международное право прав человека (с резким отрицанием идеи примата прав человека над суверенитетом как «опасного империалистического концепта Запада»), право наций на самоопределение (с утверждением, что это право не действует на территории России) и международное экономическое право (которое определяется в России скорее как международное частное, а не публичное право), а также другие вопросы (включая *ius ad bellum*, территориальные споры, международное уголовное право).

В заключительной главе автор, суммируя результаты своего исследования, приводит основные паттерны, характеризующие, на его взгляд, поведение России в области международного права. Это прежде всего представление о международном праве как о способе распределения и репрезентации международного влияния. Другими словами, когда официальные власти Российской Федерации обвиняют «Запад» в нарушении норм международного права, за этим стоит, по мысли автора, не адресация к нормам международного права как таковым, а скорее недовольство постоянно члена Совета Безопасности ООН, связанная с отказом учитывать его интересы и его привилегированное положение в международном сообществе. В то же время Россия постоянно использует прием *to quoque*

(который в эпоху Холодной войны еще назывался «whataboutism») в ответ на обвинения ее в нарушении норм международного права в отношении Украины и ее территориальной целостности. Официальные российские лица и российские же праведы в ответ на упреки в нарушении территориальной целостности Украины, зафиксированной в международном праве, постоянно указывают на нарушение норм международного права со стороны Запада при признании Косово. Некоторые авторы прямолинейно обвиняют Запад в использовании международного права против России:

Касательно использования Россией международного права, обратим внимание на цели нашей страны: богатство и мощь России, построение справедливого правового общества через написание и использование национального и международного права. В то время как цели использования международного права большинством западных стран и, в первую очередь, блока НАТО: Ослабление России, сокращение ее суверенитета, навязывание чуждых интересов через манипуляцию и подмену справедливых ценностей международного права на ценности фальшивые и ложные (Чипига 2017:66).

Наконец, заметный паттерн поведения Российской Федерации в области международного права – симуляция, подражание языку международного права в тех конфликтах, в которые она включена: постоянное обращение к таким формулировкам, как «защита прав национальных меньшинств», «геноцид», «миротворчество» и т. д. Автор делает тут очень тонкое замечание: «язык международного права используется в определенном смысле как иностранный, на котором сподручнее лгать» (с. 191).

Но самое главное, как видится, в выводах Мьяксоу связано с критикой логики «объективного», нормативистского подхода к международному праву, который доминирует в среде российского правоведения.

Любопытно, что, критикуя российских юристов именно с позиции универсализма международного права, сам автор, кажется, не свободен от некоторого релятивизма, обусловленного, по его мнению, существующей (?) цивилизационной разницей. Так, Лаури Мьяксоу отмечает:

Посредством средств массовой информации и других значимых публичных дискурсов [исключая академические публикации – прим. авт.] [...] различные цивилизационные центры производят свою субъективную точку зрения, которая не подвергается сомнению внутри, но вполне может выглядеть полностью неверной или недоказанной за рубежом. Таким образом, практически любая альтернативная точка зрения на международное право в каком-то смысле является локальной и культурно обусловленной (с. 188).

По-видимому, речь идет о том, что процесс представления тех или иных доминирующих публичных дискурсов внутри страны за ее пределами без сомнения вносит определенный вклад в конструирование общего международного права. Вопрос только в том, насколько это можно назвать цивилизационной разницей, а не разницей, обусловленной, как в случае с Россией, определенной политической

модой внутри страны, диктующей определенную позицию за ее пределами. Как раз исследование Мьялксуо показывает, как представляется, что в России есть и другая традиция отношения к международному праву, в частности – работы Федора Мартенса и Александра Таубе. Вопрос заключается в том, как именно эта традиция включается в современную теорию и практику международного права с точки зрения российских правоведов.

Таким образом, в монографии Мьялксуо в очередной раз ставятся вопросы, связанные не столько с международным правом, сколько с его ролью в конструировании общего мирового и европейского пространства. Образ международного права и России в нем, создаваемый современными российскими авторами, является, к сожалению, чрезвычайно архаичным. По выражению националистического публициста Егора Холмогорова, которое приводит автор, это – не Европа либеральных ценностей и прав человека, это – «Европа Бисмарка и Александра III». Такого рода позиция скорее исключает Россию из европейского и международного сообщества, нежели включает в него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грабарь, Владимир. 1958. *Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917)*. М.: Изд-во АН СССР.
- Чипига, Илья. 2017. «Решения международных судов и их влияние на безопасность Российской Федерации». С. 66 в *Практика международных судебных органов в системе современной доктрины военного права. Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции*. М.: Военный университет МО РФ.
- Bowring, Bill. 2008. *Degradation of International Order?: The Rehabilitation and the Possibility of Politics*. London: Routledge-Cavendish.
- Mälksoo, Lauri, ed. 2014. *Russia and European Human-Rights Law: The Rise of the Civilizational Argument*. Leiden, Netherlands: Brill Nijhoff.